

ное самонравие и ребяческая заносчивость. Умолчать об этих чертах было бы пристрастно, но небезпристрастно и съ упоением их подчеркивать. Изъ тѣхъ же берлинскихъ писемъ явствуетъ, что молодой Кирѣевскій Германію не любилъ и къ нѣмцамъ былъ несправедливъ; нѣсколько странно, однако, что еще черезъ сто лѣтъ г. Дорнъ отъ этого приходитъ въ негодование. Надо сказать, впрочемъ, что если онъ ставитъ Кирѣевскому всякое лыко въ строкъ и среди возможныхъ мотивовъ его поступковъ доводитъ лишь самымъ низменнымъ, то это не потому, что онъ сердитъ на него самого (художественную одаренность, напр., онъ готовъ ему оставить), а потому, что онъ ненавидитъ славянофильство, а также терпѣть не можетъ православіе. Два особенно ласковыхъ позднихъ письма Кирѣевского его духовному отцу онъ приводитъ въ качествѣ доказательства не то слабоумія, не то обскурантизма, славянофильство же стремится отождествить съ такъ называемой официальной народностью, считая основными его признаками «національную исключительность, «враждебное отношеніе къ Европѣ» и «религіозную нетерпимость». Всякій безпристрастный историкъ признаетъ, что эти признаки справедливы было бы формулировать иначе и говорить о національномъ и религіозномъ самосознаніи и о подчеркиваньи особенности Россіи по отношенію къ западному міру. Характерны для всякаго ученія не его крайности, а его основное и центральное ядро.

Конечно, славянофиловъ можно и должно критиковать, но казалось бы заранѣе ясно, что бесплодно этимъ заниматься, пребывая на старыхъ, критически непровѣренныхъ западныхъ позиціяхъ. Между тѣмъ именно это и составляетъ рѣшающій дефектъ книги г-на Дорна. Онъ не понимаетъ, что въ любомъ отошедшемъ въ исторію спорѣ ни одна сторона уже не можетъ быть вполне права или неправа. Ему показалось бы смѣшнымъ, если бы кто-нибудь сейчасъ заявилъ себя заранѣе во всемъ согласнымъ съ Кирѣевскимъ или Хомяковымъ, но вѣдь не менѣе забавенъ и онъ самъ, когда ссылается на незыблемый для него авторитетъ Чернышевскаго, Писарева и Пылина. Такой атавизмъ дѣлаетъ его книгу безсодержательной и ненужной, собраніемъ матеріаловъ, наизванныхъ на стержень обветшалой и скудной идеологіи. Къ тому же атавизмъ этотъ касается не только идей, но и литературныхъ оцѣнокъ: г. Дорнъ называетъ Боргатынскаго «однимъ изъ маленькихъ поэтовъ пушкинской плеяды» и обрушивается на Кирѣевскаго, который «не затрудняется назвать его первокласснымъ и ставить выше нѣмецкихъ авторовъ». При такихъ литературныхъ горизонтахъ лучше ни о русской, ни даже о нѣмецкой литературѣ не писать.

В. Вейде.

A. Hackel. Das altrussische Heiligenbild, die Ikone. «Disquisitiones Carolinae» I. X. Nijmegen, 1936.

Эта книга русскаго ученаго, написанная по-нѣмецки и изданная въ Голландіи, даетъ не исторію русскаго иконописанія, но чрезвычайно

полезное для западнаго, а во многомъ и для русскаго читателя общее руководство къ пониманію иконописнаго искусства. Она не очень дѣлана, написана въ высшей степени ясно и просто, снабжена различными указателями, немногими, но отлично подобранными иллюстраціями, а также довольно обширнымъ предисловіемъ голландскаго языковѣда проф. Теодора Бадера, обнаруживающимъ большое вниманіе и большую любовь къ Россіи, русской церкви и русскому искусству.

Работа г. Гаккеля раздѣлена на три части. Въ первой онъ представляетъ икону какъ художественное произведеніе, останавливается на ея техникахъ, на ея живописныхъ приемахъ, говоритъ о главныхъ центрахъ ея процвѣтанія, Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Москвѣ; во второй — онъ подводитъ читателя къ религиозному содержанию иконы, къ основнымъ ея темамъ, къ ея мѣсту въ богослуженіи и церковной жизни; въ третьей, наиболее самостоятельно продуманной, рассматриваетъ ее какъ символъ, т. е. изучаетъ ея религиозный смыслъ. Здѣсь онъ даетъ превосходный анализъ знаменитой рублевской «Троицы», справедливо выбранной въ качествѣ гениальнаго и особо показательнаго образца русскаго иконописнаго искусства.

Надо быть благодарнымъ автору за всесторонность его подхода къ темѣ: внѣ церковнаго смысла иконы не открывается въ должной полнотѣ и художественный ея смыслъ. Хомяковъ писалъ девяносто лѣтъ тому назадъ: «Икона не есть религиозная картина, точно такъ же, какъ церковная музыка не есть музыка религиозная... Икона въ христіанствѣ возможна только въ церкви, въ единствѣ церковнаго созерцанія». Искусства иконы Хомяковъ еще не зналъ, но слова его остаются вѣрны и даже приобретаютъ болѣе глубокой смыслъ теперь, когда мы его узнали. Книга г. Гаккеля тѣмъ и хороша, что она возсоединяетъ тѣ двѣ неразрывныя стороны этого искусства, разобщать которыя такъ опасно для его пониманія.

В. Вейдле.

Н. А. Реймерсъ. Дедукція понятія движенія въ примѣненіи къ вопросу о подвижности земли. Парижъ. 1937. — Проф. К. І. Зайцевъ. Основы этики. Выпускъ I. Харьковъ. 1937. — Левъ Закутинъ. О чувствахъ и чувственности. «Космосъ», Парижъ, 1937. — *Fanny Louitzky. Soeren Kierkegaard. Etude psychanalytique. Denvêl et Steele. Paris. 1937.*

Четыре книжки эти относятся всѣ хотя и по разному къ области философіи и свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о живомъ интересѣ къ ней.

Работа г. Реймерса болѣе специальна и терминологически строга; она посвящена критикѣ того, что авторъ считаетъ основнымъ пунктомъ кантовской механики. Написана она нѣсколько косноязычно, не столько въ литературномъ, сколько въ философскомъ отношеніи; въ ней чувствуется, однако, настоящая работа мысли.

Книга К. І. Зайцева — пособіе къ лекціямъ, читавшимся имъ въ Харьковскомъ университетѣ. Лекціи эти рассчитаны повидимому на не